

Б И Б Л И О Т Е К А

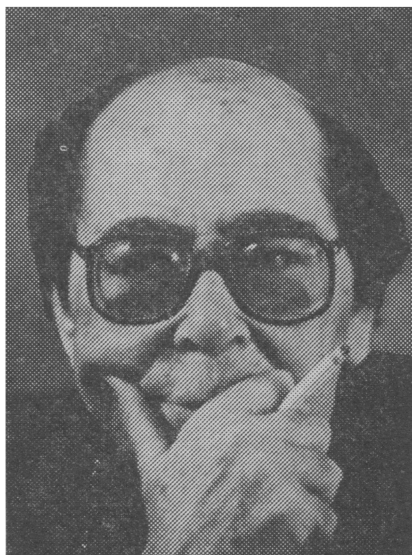
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 8

1984

А. аль-ХАМИСИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ЛЮБИМАЯ!
КОГДА Б ОНИ СМОГЛИ...**

А. аль-ХАМИСИ

**ЛЮБИМАЯ!
КОГДА Б ОНИ СМОГЛИ...**

ПОЭМЫ

Переводы с арабского Сергея Голубева

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1984

ОБОЖЖЕННОГО СЕРДЦА НАБАТ

А. аль-Хамиси — крупнейший поэт современного Египта и всего Арабского Востока, один из зачинателей социалистического реализма в египетской литературе. Поэт-патриот и интернационалист, большой друг Советского Союза, он всю свою жизнь посвятил борьбе за революционное обновление Египта, за свободу, демократию и мир на нашей планете.

При режиме Анвара Садата поэт был объявлен «государственным преступником» и вынужден покинуть родину. Вот почему тема тоски по родине, тема странствий и преследований — ведущая в творчестве последнего десятилетия у А. аль-Хамиси.

Являясь выдающимся общественным деятелем современности, А. аль-Хамиси много времени и сил отдает работе в таких международных организациях, как Постоянный секретариат Общеарабского народного конгресса (ОНК), в котором поэт возглавляет делегацию египетского национального прогрессивного движения. А. аль-Хамиси — председатель международного жюри по присуждению премии «Лотос» Организации писателей Азии и Африки.

В 1980 году А. аль-Хамиси была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Враги надеялись, что вдали от родины голос поэта смолкнет. Но и на этот раз они просчитались. Поэтический гений А. аль-Хамиси поднялся на новую высоту, о чем свидетельствует создание новых стихотворений и поэм, вошедших в несколько книг, изданных за последние десять лет на русском языке: «Монолог», «Клятва», «Книга любви», «Мятежная надежда», а также сборника поэм, изданных на русском, английском, французском, немецком и чешском языках в Праге для делегатов Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь против ядерной войны» (июнь, 1983 г.), где А. аль-Хамиси возглавлял делегацию ОНК.

Антивоенная, антифашистская и антиимпериалистическая темы — главные в творчестве А. аль-Хамиси последнего десятилетия. Данный сборник поэм включает в себя, помимо уже известных, как «Колизей», «Терезин», «Пираты двадцатого века», новые поэмы, недавно переведенные на русский язык: «Любимая! Когда б они смогли...» и «Гурзуф».

Жизнь показала, что невозможно задушить голос совести Египта, голос правды и гнева. Поэзия А. аль-Хамиси — обожженного сердца набат, зовущий к борьбе всех «рабов современности»: рабов капитала и тирании, рабов предрассудков, собственной лени или трусости. Нельзя загнать в сосуд молчания этот титанический дух великого египетского народа, пробудившийся к новой жизни, свободе, красоте и счастью.

А. Митрофанов

ТЕРЕЗИН *

Здесь, над Терезином,
Тяжкой распластанной тушей,
Влажной свинцовой плитой небосвод нависал.
Дымом курились косматые серые тучи,
Скорбно взывая
К холодным немym небесам:
— «Влага из облака
Ливнем стремится пролиться,
Чтобы вернуться на землю, из коей взята.
Так неужели вовеки в родные места
Сонмy бесчисленных жертв
Не дано возвратиться?
Сотням искромсанных бритвами пыток и тем,
Что задохнулись под сводами газовых камер,
Тем, чьи тела втихомолку, в ночной темноте,
Наспех в рогожу зашив, палачи опускали
В черную реку...
О небо! Ужель никогда
Здесь, где гестаповец Юкль истязал беззащитных,
Не оживут вереницы безвинно убитых,
Чтобы поведать о муках,
Испитых тогда?»

* * *

Терезин!
Холмы расспрошу я про муку твою,
В них свет назиданья не меркнет:

* Терезин — крепость в Чехословакии, превращенная нацистами в концентрационный лагерь. Комендантом его был гестаповец Юкль.

Ведь в каждой пылинке,
В молекуле каждой
И в скорбно поникшей былинке —
Здесь пепла частица...
Казненных нетленные лики
За черным покровом печали
Душой узнаю.
Здесь храм безымянных героев.
Ясней и ясней
Я слышу, как шепчут пришедшим
Шершавые плиты:
— «Постойте в молчанье,
Живые потомки убитых,
Спаленные горем о сгинувших, но незабытых,
Зажгите над павшими
Факел печали своей!»
И факел немеркнувший
Светит над каждой судьбою.
И катятся слезы,
И сердце вскипает от боли.

* * *

...Владик Полянский, друг мой,
Давнею той порою
Плавню лилась беседа,
Но помнишь, уже в конце
Голос твой вдруг прервался —
Тонкая ниточка крови
В нем задрожала, когда ты
Заговорил об отце:
— «Он до конца боролся
Против фашистской сволочи,
Я, как сейчас, его вижу
Сильным и молодым.
Как он любил эту землю,
Как улыбался солнечно...
Его убили нацисты,
Стерлись его следы.
Где его прах покоится,
Я до сих пор не ведаю.
Он не пришел с Победою...
Знать бы, где принял он смерть,—
Я б полетел к нему птицей,

Чтобы чело его светлое
Горстью земли родимой
Ласково утереть».

Здесь я об этом вспомнил,
Здесь, где людей с Востока
Тысячами сгребали
В черную пасть земли.
Может, отец твой, Владик,
Здесь был убит жестоко,
Здесь, где людские толпы
Лютую смерть нашли?

* * *

Терезин! Кулаками, в кровь разбитыми,
Стучу...
Неодолимая стена
Меж мертвыми, во рвах твоих зарытыми,
И нами — навсегда возведена.
Но вижу я —
В глухой крошечной полночи
Белеют сотни лиц.
В провалах ртов
Беззвучен леденящий крик о помощи
За миг до казни.
Из глубоких рвов
К своим убийцам жертвы тянут руки,
Сведенные в невыносимой муке.
Я вижу их, Терезин!
Из реки,
Из-под земли,
Из-за стволов столетних
Идут мужчины, дети, старики
Вершить неотвратимый суд последний.
Надвинулись, как грозный вал прибоя,
Оживши для возмездия. Тела —
Истерзаны, глаза — как сгустки боли,
Сердце сожженных серая зола
В култышках пальцев,
Сломанные ребра,
Мозг на костях раздробленных повис...
Они кричат,
И ветер с жутким воем
Обрывки воплей с туч бросает вниз.

Терезин!
Это Судный день истории.
Лохмотья легких опалив на вздохе,
Вопль непростенья мертвые исторгнули,
Содрав бинты со свежих ран эпохи.
От боли корчась, вновь кровоточит
Живая плоть под пыткой нескончаемой.
Поляк ли,
Чех ли,
Русский ли кричит —
Они кричат на языке отчаянья.
Бездушной мясорубке все равно,
Кто смолот в ней,
Где бились родники его —
В Варшаве, в Праге, в Будапеште, в Киеве,—
Всех превращали в крошево одно.
Здесь под землей навечно сплетены
Печаль и стоны каждого отечества.
Как языки ни разнятся — сыны
И дочери одни у человечества.
Где б мы ни жили —
В разных ли домах,
Иль под одною всех обнявшей кровлей,
Роднят нас боль, надежда, скорбь и страх,
Мы братья — по рождению и по крови.
Хоть разнятся наречья, но печаль,
Но вкус мечты — повсюду узнаваемы.
И здесь один язык тогда звучал —
Язык страданья,
Голос убиваемых.
Здесь липы вырастали на крови,
И пенье птиц, что ныне в листьях слышится,—
Гимн общечеловеческой любви,
И кроны их знаменами колышутся.
Социализмом объединены
Борцы, в одном строю вперед идущие,
На чьих плечах покоится грядущее
Без ненависти, крови и войны.
Когда Москва остановила вал
Фашистских орд,
Набат сопротивления
В душе у миллионов зазвучал

И поднял их на смертное сражение.
И люди в полный рост на танки шли
И, падая на вражеские доты,
Собою закрывая пулеметы,
Пробитыми сердцами мир спасли.
Здесь гордо встал советский человек
Над ранами, свершив свой подвиг ратный,
И из страданий выковавши радость,
Днем завтрашним
Вчерашний день отверг!
Он поднял мир из праха и огня,
И потянулись к солнечному небу
Победною весною зеленыя
В полях, истосковавшихся по хлебу.

* * *

Терезин!
Побеги сегодняшних дней
На почве вчерашних сомкнутся с грядущим.
И вечная мудрость глубинных корней
Вещает из прошлого ныне бредущим
Тернистым путем.
Эта мудрость гласит:
— «Забывший, что жизнь — это цепь поколений,
Блуждает, как путник близ спящих селений,
Не видя огня,
Что во мраке блестит.
История — светоч для нынешних дней,
И тот обречен, кто забудет о ней!»
Почти полстолетья планета не знает
Войны мировой.
Но, запрятав ножи,
Орда ненасытная вновь посягает
На право священное строить и жить.
Фашистским подонкам легко и привольно
В стране, где преступность лелеет закон,
В стране, на глазах у которой Линкольна
Убили в упор, не таясь,
Где балкон
Окрасился кровью упавшего Кинга,
В стране, где любой человек окружен
Жестокостью, словно канатами ринга.

Здесь слезы и пот
Превратят в миллионы,
Под маской законности спрятав лицо,
И тянутся щупальца из Вашингтона,
Чтоб стиснуть планету
Смертельным кольцом.
Чтоб выкачать недра чужие,
Чтоб выжать
Богатства земли, заключенные в них,
Чтоб смерчем гудящим напалмовым выжечь
Стремление к свободе в народах иных,
Чтоб власти сменялись в угоду богатым
И путчи несли дивиденды магнатам.

Латинской Америки тело разъято,
Обуглена Азия,
В Африке кровь...
Фашизм не добит,
И, как некогда, вновь
По трупам детей маршируют солдаты.
В воронках от авиабомб, что ни день,
Мешаются прахом надежды людей.
Фашизм разоделся кричаще и дерзко
И вылез на свет, как публичная девка.
Фашизм возрожден!
На звериные тропы
Голодные стаи выходят опять.
Ощерясь ракетами в центре Европы,
Его недобитки о мести вопят.
Но всюду в Европе —
В Афинах,
В Париже,
Во Франкфурте, в Риме —
В столице любой
Выходят на улицы люди, услышав,
Что миру грозят они новой войной.
Народы не внемлют их волчьему вою,
И против нацеленных в завтра ракет
Идут демонстранты
Волна за волною,
И гневно звучит непреклонное «Нет!»

* * *

Торговцы смертью знают, что почем,
И платят щедро
Тем, кто убивает.
Теперь свинцом, как некогда мечом,
Они судьбой людской повелевают.
На новых инквизиторских кострах
Сгорают непокорные, как прежде.
И гибнет жизнь,
И рушатся надежды
Обугленными кровлями во прах.
Но, вкрадчиво журча за океаном,
Дремотно убаюкивает ложь,
Эфир сочится ядом и дурманом...
А между тем
Уже наточен нож,
Отмечены на карте мира страны.
Покуда сказки сладкие звучат —
Прием подчас надежный, хоть и древний,—
Их самолеты, словно саранча,
Летят на беззащитные деревни.
Торговцы смертью платят не скупясь,
Они везде открыли филиалы,
И вот из кожи лезут подпевалы:
Готовы обелить любую грязь.
Газеты, книги, фильмы и журналы.
Искусство, что посажено на цепь,
Подобострастно и хулит и славит...
Что мерзостнее — средства или цель,
Когда твоей страной убийцы правят?!

* * *

Терезин!
С непокрытой головой
Стоит поэт, слагая песню скорби.
Сплелись твои обугленные корни
С истлевшими костями под землей.
Чьи имена хранит в себе зола
Освенцима,
Майданека,
Дахау?
Ведь вся Европа, ввергнутая в хаос,
Одним большим концлагерем была.

Я слышу,
Как звонят колокола,
Гудит набат во всех концах вселенной:
— «Зверь не добит!
Он восстает из тлена
Вершить свои кровавые дела.
Опять во мгле багрового тумана
Горят костры, зажженные в ночи,
И узником Терезина кричит
Линчуемая жертва ку-клукс-клана.
И если эту нечисть не сметет
Гнев миллионов, вышедших на битву,
То вечное проклятие убитых
На ваше поколение падет».
Погибшие отцы набатным звоном
Зовут детей единство обрести,
Чтоб не позволить плесени зловонной
Цветущую планету оплести!

Терезин!
Беспросветность серых туч
Дарит надежду зреющим колосьям.
Здесь встретиться с тобою довелось нам,
И душу нам согрел твой щедрый луч.
Хоть в снежных шубах
Мы к тебе пришли,
Нас сердца твоего тепло согрело:
В душе Египта боль не отгорела,
И мы ее в глазах твоих прочли.
У нас одна печаль,
Ведь шар земной,
Как человек, болеет и страдает,
И если боль слышна в стране одной —
Страна другая
Стоном отвечает.

28 ноября 1980, Прага

ЛЮБИМАЯ! КОГДА Б ОНИ СМОГЛИ...

Поэма написана поэтом в Бейруте 26 июня 1980 года. На этот день было назначено чествование А. аль-Хамиси в связи с присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Незадолго до начала митинга два египетских товарища аль-Хамиси, спутники и друзья его жизни, были схвачены на улице Бейрута и бесследно исчезли. Черные силы выслеживали и аль-Хамиси, что вынудило его арабских друзей признания и благодарности в адрес аль-Хамиси было сказано Председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом, Генеральным секретарем ЦК Ливанской компартии Жоржем Хауи, представителями коммунистических партий Египта, Судана, других прогрессивных организаций арабских стран.

Врагам не удалось сорвать этот праздник. И в эту же ночь родились стихи...

Любимая!

Узнал я, что они
По следу моему все ближе кружат.
Награда ждет того, кто, обнаружив,
Убьет меня...
Загонщикам сродни,
Они во тьме на тропах мне знакомых
Смертельные готовят западни.
Я опускаюсь в ночь аэродромов
Под именем чужим...
Судьбой влекомый,
Не знаю, где, лицо свое тая,
Меня подстерегает смерть моя.

Любимая!

Когда б они смогли
Загнать меня в расставленные сети,
Они бы это тело рассекли
И бросили его на грудь земли,
И я бы смерть
В ее объятьях встретил.
Что ж, я не первый
В длинном списке том
Погибших за идею, что лишала
Сердца покоя...
Если б только знал он —
Покорный раб, дрожащий под кнутом,
Палач безликий, ждущий за углом,—
Как он мне жалок
Со своим кинжалом!

Чтобы не стать убийству ремеслом,
Чтоб голод не толкал на преступления,
Я шел тропой тернистою сраженья,
Израненный, изрешеченный злом.
Я воевал во имя чистоты,
Что нас глубинным светом озаряет,
Той чистоты,
Которую швыряют
Насильники в провалы немоты,
В слепые ямы ужаса и боли,
На дно страданьем выстуженных душ,
Огонь любви спасительный задув,
Позвавшей нас на поиск лучшей доли.
Я защищал в сраженьях чистоту,
Вращенную в борцах
Стремлением к бою,
Ту чистоту, что заслонит собою
Правдиво нам светившую мечту,
Растоптанную ныне сапогами
Агрессоров, бесчинствующих в храме.
Я защищал в сраженьях чистоту,
Что озаряет нас глубинным светом
И дарит непростое счастье это —
Быть с собственною совестью в ладу:
Ведь за мечту, манящую вдали,
Мы наши жизни в жертву принесли.
Владей хоть всеми землями окрест,
В чертогах от народа обособясь,
Она тебя раскаяньем заест —
Нечистая твоя,
Больная совесть!
Я знамени не отдал,
Не склонил
И совести своей не уронил,
Идя тропой оскаленной
Без страха.
Штурмуя зло, я жизни не щадил
И кровь мою свободную пролил
На камни бед,
Суровые, как плаха.

* * *

Любимая!
Когда б смогли они
Загнать меня в расставленные сети,

То ведал бы палач,
Кого казнил?
Кого на части рвали звери эти?
Какую песнь
С мечтою, жившей в ней,
Какое сердце пуля пробивала?
В какие грезы,
Словно в голубей,
Вонзал он смертоносные кинжалы?
О, знал бы тот,
Кто нанят ими, чтобы
Меня убить, что я, лицом к лицу
Столкнувшись с ним,
Не испытаю злобы,
Шагнув навстречу подлому свинцу.
Ведь суть не в нем —
А в тех, кто за спиной,
Кто пистолет в ладонь ему вложили,
В тех, кто, решив расправиться со мной,
Его последней совести лишили.
Случись лицом к лицу
Столкнуться с ним,
Я взял бы у него отсрочку на день,
Чтоб взор мой
Над простором водной глади
Понесся к дальним гаваням родным.
К тем гаваням тоски,
Где в вышине
Воспоминаний звезды тихо светят,
К тем пристаням, которые приветят
И вихри страсти умирят во мне.
Я в небеса смотрю:
В лазурной мгле
Плывут легко моих мечтаний птицы,
В них юность будет жить
И сердце биться,
И я кричу им:
— Я пришел проститься!..
Коленопреклоненный на земле,
Я их полет глазами провожаю,
Они крылами машут надо мной,
И медленному ритму я внимаю,
Как плачу похоронному весной
Над гробом, отрицающим цветенье...

И слышу я
Прощальное их пенье:
«О мире,
В коем ненависти нет,
О птице счастья на ветвях свободы
Мечтал ты,
отдавая жизни годы
За то, чтоб людям через все невзгоды
Зажгла любовь зари лучистой свет.
Ты ради этой цели жил и пел
И пролил кровь
На жертвенной тропе.
Мечтал ты, чтоб в трущобах бедноты
Голодным детям
Было пищи вдоволь,
Чтоб радость озарила их черты
И лица матерей,
Чтоб в каждом доме,
Где ныне нищета гнездо свила,
Хватило всем и хлеба и тепла.
Ты грудью шел
Навстречу волчьей стае,
Живое сердце превратив в мишень,
Покой садов спасительных оставив
Без капли сожаления в душе.
Ты вылетел из теплого гнезда —
И пламя, отнимающее силы,
Жжет все больнее,
Все невыносимей,
И пропасть бесконечного труда
Остаток дней бесследно пожирает,
И каждый миг
Меж завтра и вчера —
С утра до ночи,
С ночи до утра
Дотла в гудящем пламени сгорает.
Сегодня тело
Обретет покой...
Оно кровоточит, ножом разъято,—
Как будто Сет *.

* Сет — в древнеегипетской мифологии бог пустыни и чужеземных стран, брат и убийца Озириса, бога умирающей и воскресающей природы, брата и супруга Изиды.

*Из жути вековой
Вернулся и безжалостной рукой
Вновь умертвил
Единственного брата
И плоть его по свету раскидал,
Чтоб на земле во прахе истлевало
То, что когда-то
Пело и дышало,
И бесконечный мир переполняло
Движеньем без границ и без начал.*

*Вот небо
Край одежд подобрало,
Чтоб отереть заплаканные очи,
И складки сжав, на землю пролило
Слезинки...
В них мерцанье дня и ночи,
В них растворились темнота и свет,
Скорбя о том,
Кого отныне нет,
Скорбя о том,
Кто прославлял всегда
Жизнь на просторах голубой планеты,
Кто верил в человека,
Кем воспеты
Моря и горы — суша и вода,
О том, чья жизнь наполнена была
Борьбой со злом
И стала жертвой зла.
Сегодня тело
Обретет покой...
Но из семян, посеянных тобой,
Поднимутся цветы весной снова.
И человека воля закалит,
И даст ему решимость,
И велит
Пойти на бой со злом,
Порвав оковы!»*

** * **

*Я опускаюсь в ночь аэродромов
Под именем чужим...
Судьбой влекомый,*

Не знаю, где, лицо свое тая,
Меня подстерегает смерть моя.

Июнь, 1980 г., Бейрут.

ГУРЗУФ

* * *

Я в Гурзуф занесен
 угольком из потемок чужбины,
В нем мерцали, сменяясь,
 изгнание, тоска и недуг.
Я лелеял в себе
 сохраненный лишь волей единой
Огонек, устоявший
 под шквалом невзгод и разлук.
Но дыхание бури
 дало ему силы: как прежде,
Он горит, не сгорая во мраке,
 мятежен и рдян...
И тогда распахнул я
 ожившее сердце надежде,
От лица ее горечь,
 усталость и боль отведя.
И хоть злая болезнь
 точит ребра тупою пилою,
И хотя каждый вздох,
 словно нож, мои легкие рвет,
Стоит море увидеть —
 себя ощущаю волною,
Той, что в солнечной пене,
 ликуя, на берег идет,
Белой чайкой парю
 и поко над слепящим простором,
Там, где высь бороздят
 караваны тугих облаков,
Гибкой веткой клонюсь
 в светлой роще, избегающей в гору,
Ветерком предрассветным
 скольжу меж деревьев легко.
И в душе отогревшейся
 юная радость танцует
Под мелодию моря,
 под ритм набегающих волн...

Я в плену красоты.
То ли море мне душу чарует?
То ли сам ворожу,
состязаясь с его колдовством?
Два ли моря слились?
Иль они близнецы с этой высью?
Наяву ль это все?
Или грезы меня унесли?
Или водная гладь —
серебристого зеркала высверк,
Отразивший на миг
небосвода пленительный лик?
Я частица природы.
Я сын нашей щедрой земли:
Перелившись в меня,
жаркой жизни пьянящие соки
Бродят в жилах моих.
Из мерцанья созвездий вдали,
Из предутренних радуг,
разбросанных в росной пыли,
Мир фантазий и грез
прихотливо и бережно соткан.
Мне природа доверила
ключ от сокрытых чудес,
Научив понимать
письмена ее сказочной тайны,
Чтобы шепот ее
нежной флейтой в душе моей таял,
Чтобы властвовал я
над простором земли и небес.

* * *

Я вернулся, природа,
под сень ароматных садов,
К бирюзовому морю,
что стелется под ноги рощам
Там, где взпуски скачут
леса с табунами холмов
И сбегают на Ялту,
как волны усталые, ропща.
Я вернулся к тебе,
к щебетанию птиц на заре,

Полоснув по глазам,
 ослепительный свет голубой.
Где теперь эта тень?
 Навсегда силуэт ее сгинул
Или только на миг
 море света открыл за собой?
Все живет, воплощая себя
 и опять растворяясь,
Чтобы в образе новом
 иную постичь глубину —
Ведь не гибнет вода,
 но, дождями из туч проливаясь,
Оживает в цветах
 и поит их дыханьем весну.
О природа!
 И я на твоём алтаре необъятном
Распластал своё сердце,
 любви и защиты прося.
Я частица твоя.
 Я хочу, как невидимый атом,
Раствориться во всем,
 все живое в себя привнеся.
В каждой капле исчезнуть,
 в молекуле каждой родиться,
Впасть ручьем безымянным
 в безбрежность спасительных вод...
Так прими же меня,
 дай же нашим объятиям слиться,
Пощади мое сердце —
 оно разорвется вот-вот.
И несчастье мое
 и моя несказанная радость
В том, что мерю жизни
 тебя я избрал навсегда.
Блещет моря лазурь,
 всем даруя покой и отраду,
А волнам все равно,
 чьи по ним проплывают суда.
И заря, разгораясь,
 всегда одинаково светит
Всем живущим под небом —
 запреты не властны над ней.
Грудь любому из нас
 наполняет дыханием ветер,
И земля укрывает любого
 в конце его дней!

Мне привиделся Пушкин...

Шаги его вдруг зазвучали:

Из-за кос кипариса

он шел, худощав, смуглолиц.

Что же странного в том,

что тоска из неведомой дали

Вызывает ушедших,

с кем время и смерть разлучали,

И мы видим их вновь

сквозь туман повлажневших ресниц?

Как я грезил о нем!

А сейчас он стоит предо мною

И волшебные строки

читает слегка нараспев.

Будь нежнее к себе,

ты, познавший страданье земное

И воспевший стремленье к свободе

и праведный гнев.

Друг скитаний моих!

Ты здесь был до меня, без меня,

Здесь встречали тебя

берега и зеленые доли.

Молодой кипарис,

узкой тенью тебя осеня,

Слушал музыку строф —

в них, пленительный образ приняв,

Жили чувства твои...

Вы шептались о чем-то подолгу.

Здесь соленые ветры,

свободы родные сыны,

Салютуя тебе,

грохотали, как грозные жерла.

Ты — поэзии рыцарь,

и не было выше цены,

Чем цветущая жизнь твоя,

ей принесенная в жертву.

Хоть разминулись наши эпохи,

но чувства сошлись:

На пирах произвола

обоих нас скорбь накормила.

Беззаконье — всегда беззаконье.

Века пронеслись,

Изменяло обличья оно,

только сути не скрыло.

И сегодня те самые псы,
что гнались за тобой,
По следам моим рыщут,
охота вцепиться в меня им.
И в душе моей гордость
живет по соседству с тоской,
Я по собственным ранам иду,
головы не склоняя.
Как случилось, что встретились мы,
больше века прождав?
Я на встречу из жизни пришел,
ты — из смертного круга...
Или общая боль,
расстояние и время поправ,
Нас с тобою свела
и поставила друг против друга?
Я смотрю в зеркала —
мы вдвоем отражаемся в них.
Кто мы?
Гамлет с Горацио?
Эхом повторенный возглас?
Мы в лицо беззаконию
бросили яростный стих,
Не цепляясь за жизнь,
но цена убеждения, как воздух.
В этой жизни превыше всего
одержимость и пыл
В достижении правды —
прекрасной сияющей дали.
Ты не славил войну.
Ты ее никогда не любил.
Лишь для счастья людей
вдохновенные строки рождались.
Роковая дуэль...
Иль вернее убийством назвать
Тайный сговор,
незримые сети раскинувший подле?
Не затянется рана,
и вечно к отмщенью звать
Будет кровь, обagrившая руки
убийц твоих подлых.
Пушкин! Враг твой коварный
все тот же, как встарь...
И теперь

Поит ядом страданий
ему непокорные души.
Вторя предкам своим, жаждет крови сегодняшний зверь,
Крови рыцарей гордых,
на бой с произволом идущих.
Но тиранов всегда ожидает
бесславный финал:
Сколько тронов разбили
народы, познавшие волю!
Не успеет волна поседеть —
новый пенится вал,
Вырастают, как горные кручи,
свободные волны.

* * *

В давней юности нашей
с султаном мы были дружны,
Меж собою делили
и радости мы и печали,
О побегах свободы
на древе Египта мечтали,
Но враги обломали
цветущие ветви весны.
Мы мечтали — заря справедливости
мир и людей
Вечным благом зальет,
ярким садом планету расцветит...
Но пути разошлись.
Я шагаю дорогой своей,
А наперсник презренный
кончину позорную встретит!
Мой Египет!
Душа, переполняя любовью к тебе,
Вобрала в себя веру изгнанника,
смелость аскета.
Я несу твоё чистое имя,
как знамя в борьбе
Против власти султана —
изменника прошлым обетам.

А за мной по пятам —
оголтелая свора писак
И клеветов его,
облачивших предателя в тогу,—
Целый сонм палачей
впереди преграждает дорогу...
Но поэмы мои, как солдаты, чеканят свой шаг!
На невольничьем рынке
рабыней
Отчизна моя
Через сердце мое хочет боль свою выплеснуть криком:
«Посмотри, он захватчикам продал
родные края,
Кровь безвинно погибших,—
забыв о наследье великом.
Он позволил меня
чужеземным топтать сапогам!»
О родная земля!
За твое избавление отдам
Жизнь свою, как последнюю жертву,
без тени сомненья.
...Точит сердце печаль.
Тают силы...
Но верю, что нам
Суждено победить.
А его не спасти ни стенам,
Ни убежищам тайным,
ни банде его окруженья!

Июнь 1981 г. Гурзуф — Ялта.

ПИРАТЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Убийцы Линкольна сегодня
Без тени стыда
Права человека возносят крикливо и лживо.
Так жди же незваных пришельцев,
Катанги руда,
Вы, копи алмазные, золотоносные жилы,
Уран конголезский,
Смешавшийся с плотью земной,—
Прихода их ждите...

Придут и прихватят с собой
Интриги и буры,
Гранаты, отраву и козни:
Застрелят в упор
Или тайно под корень подкосят.
Прихода их ждите...
Когда о правах человека
Фальшиво вещают пираты двадцатого века,
То это затем лишь,
Чтоб тайно вонзиться могли
Их жадные буры в сокровища чьей-то земли,
Чтоб ливнем свинцовым
Плеснув с полыхнувшего неба,
Урвать у народа кусок его кровного хлеба.
Нгуаби! Ты кровь свою пролил
На троне свободы,
Но знают сыны ее в Африке цену теперь
«Правам человека», свободе магнатам в угоду
Убить и ограбить,
Вломившись в закрытую дверь.
Простор для «Арамко»,
Для «Дженерал Моторс» раздолье —
Как клещ присосавшись, богатства земли выпивать
И право народов,
Посеяв вражду и раздоры,
Исконное право на землю родную — отнять.

* * *

Убийцы Линкольна
Права человека возносят!
Но дымом пожарищ Ливан непокорный объят —
Ветвь доблестной славы,
Чей голос к нам эхо доносит,
Чьи гордые горы
Как символ бессмертия стоят!
О, где ты, Джумблат?
Ты упал, как подкошенный стебель,
В объятия земли, и Отчизна тебя приняла.
Твой голос не слышен,
Погиб ты, застреленный теми,
Кому автоматы Америка в руки дала.
А «Голос Америки»

Так же без устали лает:
«Права человека»
Убийцы возносят и славят.

* * *

Убийцы Линкольна
«Правам человека» воздали,
Снабжая расистов оружием разных систем.
И Южную Африку
Рвут на куски «феодалы»
И пот выжимают
Из черных измученных тел.
Когда ж поднимаются
Против тиранов повстанцы,—
Пеньковые петли свивает рука палача.
Убийцы Линкольна,
«Свободные американцы»
Поддержат убийц.
А в Америке так же влачат
Незримые цепи «свободные негры» в Гарлеме,
Лишенные крова, лишённые права на труд.
В сырых комнатенках, неся непосильное бремя
Нужды беспросветной,
Голодные дети живут.

Убийцы Линкольна!
Как смрад по отравленным рекам,
Ползет по эфиру
Ваш вой о «правах человека».

* * *

В Латинской Америке
С шахтами, полными меди,
С землей плодородной,
С обильем возделанных нив
Убийцы Линкольна
Бесстыдно ломают комедию,
Личинами «добрыми» волчьи оскалы прикрыв.
Но черные тени встают, закрывая полнеба,
Идут по дорогам,

И в грохоте очередей
Мешается с гарью и с запахом манго и хлеба
Отравленный пот
Палачей беззащитных людей.
И ужас в сердцах
Вытравливает все прочие чувства,
В глазах матерей навсегда поселяется страх.
Он входит в дома рыбаков,
Поселяясь в лачугах,
В клетушках рабочих,
В убогих крестьянских домах.
А тени растут...
Призрак смерти блуждает повсюду,
И гусениц лязг
Слышен в звоне домашней посуды.

В Латинской Америке
Тысячи дивных красот!
Страна черноокая,
С тонким чарующим станом,
Несметным богатствам давно потеряла ты счет:
Владеешь горами, лесами,
Самим океаном.
Ты с каждым мгновением множишь земные дары,
Младенец-рассвет — на руках, как вино золотистых,
И ночь, словно старец,
Чьи песни, как вечность, мудры,
Поет их тебе
Под мерцанье созвездий росистых...

Кто землю твою разорвал?
Кто сковать ее смог?
Кто жег твои нивы, сады для казарм вырубая?
Кто нашу планету
Бессмысленным боям обрек?
Пираты двадцатого века, их лютая стая!
Убийцы Линкольна
В своих золотых крепостях
Сидят, выжидая...
И снова на свет наползают
Зловещие тени.
Свинцовые ветры свистят,

И новые залпы
Опять
 тишину
 разрывают!

1976, Москва.

КОЛИЗЕЙ

Колизей, я пришел!
Я прошел сквозь молчащее небо,
Сквозь опальное небо,
Забывшее птичий полет.
Блестки звезд серебристых
Крупницами легкого снега
Без следа растворились
В колодце житейских забот.
Жарким ветром небесной пустыни
Отныне сожжен ты —
Лишь воронка от взрыва
На месте садов золотых,
Лишь рекламы, как рваные раны
Небес твоих желтых,
Истекают неоновой кровью
Поверх мостовых:
«Пепси-колу бери —
Освежает и душу и тело!»
«Все для дома
Предложит тебе магазин «Тарантелла»!»

А когда проходил я
Под сводами аэропорта,
Полицейские взгляды меня прошивали в упор:
— Аль-Хамиси?
— Да нет, не похож...
С незапамятных пор
На кресте подозрения тело мое распростерто!
Как мне больно, что имя мое —
Мой безжалостный страж,
Как мне больно, что песне свободы
Грозят заточеньем.
Но не год и не два, Колизей,
Побеждая свой страх,
Я с насмешкою шел
Через пытки, застенки, мученья.

Лепестки опадают,
Но память хранит аромат.
Голоса умирают,
Но эхо в веках остается...
Кто сказал,
Что твои времена не вернутся назад?
Кто сказал,
Что жестокая слава твоя не вернется?
Посмотри, Колизей,
Эти цезари нынешних дней
Целый мир превратили
В залитую кровью арену.
Посмотри, Колизей,—
Их судьба во сто крат тяжелей —
Гладиаторов нынешних,
Прежним пришедших на смену.

Колизей!
На арене сегодняшней я
Капли крови роняю в песок раскаленный.
Только чудом избегну удара копья,
Как сверкнет надо мною
Кинжал занесенный.
Я бегу.
Я у смерти секунды краду
И не помню уже,
Сколько ад этот длится...
Цирк звереет от крови,
И я, как в бреде,
Вижу в каждом ряду искаженные лица.
Видно, рок тяготеет над вами, глупцы,
Если кесарь,
Смеясь в разукрашенной ложе,
Вас пошлет на арену сегодня ж, быть может,
Чтоб под хохот
Детей убивали отцы.
Кто назавтра из вас
В этой дьявольской бойне
Будет биться в агонии,
Корчась от боли?

Век двадцатый с его произволом кляня,
Все ж в угоду царям
Я убийцей не стану.

Мой удел —
Зажимая смертельную рану,
Умирать, но щадить поразивших меня.
Я в сопернике злобном не вижу врага
И ударом ему на удар не отвечу.
Мой клинок
Никогда не вонзится в раба...
Но, не ведая жалости, я бы срубал
Руки те, что его мне толкают навстречу.
Мне глаза застилает кровавый туман,
Но, собрав перед смертью последние силы,
Я кричу:
— Колизей! Это грязный обман.
Это бойня,
Прикрытая ложью красивой!
Тот в порфире и этот во фраке равны:
Заграбастать побольше,
Продать подороже.
И плевать им на то,
Что погибнуть должны
Те, кто их достояние кровью умножит.
Лишь бы только рабов
Убивали рабы,
Чтоб в сердцах не проснулось желанье свободы,
Чтобы в людях на долгие-долгие годы
Сохранялась покорность ударам судьбы,
Чтоб убийцы и жертвы,
Сменяя друг друга,
Бесконечной чередой проходили по кругу.

Та же ложь, Колизей,
Что за зрелищем прятала бойню,
И поныне жива.
И под свист ее тяжелых плетей
Каменеют сердца...
В истерических воплях запойных,
В какофонии ритмов,
В заряженных смертью обоях
Умирают мечты
Обреченных на рабство людей.

...Ночь над Римом висит
Колыбелью умершей любви.
Здесь в петле преступлений
Казненная нежность застыла,

Та, что прежде цвела, щебетала,
Смеялась, любила,
Пеленала детей,
Над полями туманом всходила
И ласкала плоды,
Их ветвями своими обвив.
Нежность мира дышала
Теплом долгожданного крова
На пути у скитальца,
Бредущего в снежных полях.
Нежность мира искрилась
Струею вина золотого
И румянилась мясом,
Шипевшим на жарких углях
На поляне весеннего леса,
Где феи апреля
Разноцветными платьями
В травах душистых пестрели.
Нежность мира,
Как легкие пальцы любимой сестры,
Прикасалась к глазам,
Чтобы вытереть слезы разлуки...
Солнце мира светило для всех,
И земные дары
Собирали повсюду мечей не знававшие руки.

О, когда б и поныне
Была эта нежность жива, —
Молодежь не спала бы
На каменных плитах Навоны *.
До сих пор, Колизей,
Издаются все те же законы,
По которым людей
Заставляют забыть о правах.
Подголоски сегодняшних цезарей
Массе безвольной
Паутиной покорности прочно умы оплели:
Словно пыль смертоносного взрыва,
По радиоволнам
Шепоток их зловещий ползет.
И повсюду разлит
Равнодушия яд,
Яд покорности, страха, бессилья —

* Навона — площадь в Риме.

В институтах и клубах,
В столбцах ежедневных газет...
Проникая повсюду зловонной, отравленной гнилью,
Он мечты превращает
В тупой наркотический бред.

Колизей!
Разве прежних столетий кровавая ложь
Хуже этой «свободы»,
Приставленной к горлу, как нож?

Я смотрел на творенье Бернини «Четыре реки».
Но не била вода из фонтана:
Глубокие тропы
Оставляли на камне сочившихся слез ручейки,
Горьких слез
О печальной судьбе молодежи Европы.
Если б нежность, как птичий полет,
Беззащитна была,
Как полет голубей
Под зрачком наведенного дула,
То б стремление ввысь
Беспощадная дробь прервала
И комком окровавленным
Птицу на землю вернула.
Если нежность с оружием
Смогла б за себя постоять,
Не смогли бы враги
Наших тесных рядов разорвать.

О рабы современности!
В нежности тихой волны
Дремлет яростный шторм.
Стоит гневу ее пробудиться —
Исполинские горы
Обрушат свои валуны
На суденышки тех,
Кто осмелится с нею сразиться!

1978 г., Рим

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>А. Митрофанов. Обожженного сердца набат</i>	2
Терезин	3
Любимая! Когда б они смогли...	10
Гурзуф	16
Пираты двадцатого века	23
Колизей	27

А. аль-ХАМИСИ

ЛЮБИМАЯ! КОГДА Б ОНИ СМОГЛИ...

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 08.12.83. Подписано к печати 26.01.84. А 00313.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Школьная». Высокая печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд.
л. 1,83. Тираж 100 000. Изд. № 555. Зак. 1869. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва. А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Те, кто постоянно дружит с физкультурой, занимается в группах здоровья и общей физической подготовки на спортивных сооружениях, построенных с помощью доходов лотереи «Спортлото», не нуждаются в лекарствах и бюллетенях.

● Таких спортивных сооружений — стадионов, дворцов спорта, спортзалов, бассейнов — построено уже более 200 в больших и малых городах нашей страны. Сотни миллионов рублей выделено из средств лотереи «Спортлото» на развитие физкультуры и спорта.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. Разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье — таков главный выигрыш всех участников этой популярной лотереи.

Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

**Главное управление спортивных
лотерей Спорткомитета СССР.**